

П. Н. Сакулинъ.

**Н. М. Пироговъ,
какъ педагогъ.**



Изданіе А. А. Карцева.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.

1907.

П. Н. Сакулинъ.

**Н. И. Пироговъ,
какъ педагогъ.**

Цѣна 10 коп.

—♦♦—
Изданіе А. А. Карцева.

МОСКВА.
1907.

Типографія „Русскій Трудъ“, Арбатъ, домъ Буровой

Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ *).

Когда проходишь мимо московскаго памятника Пирогову и всматриваешься въ эту характерную фигуру ученаго съ черепомъ въ рукахъ, въ памяти невольно возстаетъ другой, міровой образъ—образъ Фауста. Кажется, что, разглядывая черепъ, Пироговъ занятъ не анатомическимъ его изслѣдованіемъ, а охваченъ великой думой о смыслѣ человѣческаго существованія. Въ противоположность безчисленнымъ Вагнерамъ науки, онъ не довольствуется непосредственными эмпирическими выводами, а стремится довести каждую свою мысль до ея возможнаго конца и связать свои знанія въ одно стройное цѣлое. Въ то время, какъ большинство людей принадлежитъ къ „благодатному типу круглоты и сочности“, Пироговъ примыкаетъ къ „истощеннымъ адептамъ анализа“. Подобно герою міровой легенды, онъ весь отдается тревожнымъ поискамъ истины и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ полной интеграціи духа.

Съ этой чисто фаустовской пытливостью у Пирогова соединяется живое чувство гражданственности,

*) Рѣчь, произнесенная (съ нѣкоторыми сокращеніями) 26 ноября 1906 г. въ торжественномъ засѣданіи Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

и въ его глазахъ какъ бы перестаютъ существовать перегородки, которыя обычно отдѣляютъ однѣ науки и однѣ сферы жизни отъ другихъ. Для Пирогова наука—едина и жизнь—едина, какъ единъ челоѡкъ, творящій науку и жизнь.

Вотъ почему и въ настоящемъ торжественномъ собраніи мы видимъ представителей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей и профессій: мы всѣ собрались сюда во имя Пирогова, какъ люди и граждане.

Не болѣе пяти лѣтъ (съ 1856 по 1861 г.) изъ своей пятидесятилѣтней дѣятельности отдалъ Пироговъ русской школѣ, и однако съ его именемъ связанъ крупный поворотъ въ исторіи нашей педагогики, и мы, педагоги, съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ врачи, считаемъ Пирогова однимъ изъ своихъ учителей. Онъ выступилъ реформаторомъ русской школы въ тотъ критическій моментъ, когда вся Россія готовилась начать новый періодъ своей гражданственности, и когда ощущалась особенно острая потребность въ созданіи новой школы.

Вплоть до севастопольской войны Пироговъ, по видимому, не выходилъ изъ рамокъ своей спеціальности, но онъ жилъ и мыслилъ: онъ чутко впитывалъ въ себя всѣ впечатлѣнія жизни, и въ немъ постепенно зрѣлъ великій гражданинъ.

Пироговъ былъ очевидцемъ тѣхъ порядковъ, которые господствовали у насъ въ „жестокій вѣкъ“ Николая I, когда бюрократизмъ былъ облеченъ въ желѣзную систему, когда надъ всею Русью неогра-

ниченно цариль самодержавный чиновникъ, когда казарменное равеніе и дисциплина возводились въ гражданскій идеаль.

Въ 1847 г. Н. И. на самомъ себѣ испыталъ всю тяжесть и унижительность тогдашняго режима. Онъ только - что вернулся изъ кавказской экспедиціи и долженъ былъ представиться военному министру. „Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы“, рассказываетъ Пироговъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ө. Раденъ отъ февраля 1876 г. *), „я велѣлъ о себѣ доложить военному министру, почти тотчасъ по своемъ приѣздѣ, и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выгсворъ на счетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анпенкова (тогда во главѣ медиц. хирург. академіи). Я такъ былъ разсерженъ, что со мной приключился истеричный припадокъ (со слезами и рыданіями; я теперь сознаюсь въ своей слабости)“. Знаменитый хирургъ не вынесъ „своевольной грубости лакеевъ“ и истерически рыдаетъ! Рыдаетъ въ приемной генерала ученый, въ которомъ хотять видѣть только чиновника, въ которомъ грубо оскорбляютъ

*) Сочиненія Н. И. Пирогова. С.-Пб., 1900. Т. I. Стр. 501—2. Всѣ дальнѣйшія ссылки сдѣланы также на это изданіе. Но цитаты изъ статьи „Вопросы жизни“, впервые напечатанной въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1856 г., іюль), приведены также и по „Собранію литерат. статей Н. И. Пирогова“ (Одесса, 1858).

его человѣческое достоинство! Какъ понятна и дорога намъ эта историческая истерика Пирогова! Въ ней съ потрясающей силой выразился весь трагизмъ подневольнаго существованія тогдашняго русскаго „гражданина“.

Съ неумолимой послѣдовательностью николаевское правительство подавляло всякое проявленіе личной инициативы и общественной самодѣятельности, сознательно задерживая развитіе умственной жизни страны. Въ то время, какъ на военное дѣло шло 40% расходовъ, на народное образованіе тратился только 1%. Правительство открыто отрицало пользу ученія для народа, полагая, что широкое просвѣщеніе народа „несовмѣстно съ нашимъ правленіемъ“, и что стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію нежелательно, такъ какъ „изъемлетъ ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ всякой пользы для государства“. Наука вообще разсматривалась, какъ опасное зло, и всѣ многоразличные способы начальственнаго попеченія сводились къ тому, чтобы сузить сферу русскаго просвѣщенія, чтобы сдѣлать науку крѣпостной служанкой правительства, и всю школу ввести въ русло „благонаправленнаго воспитанія“ (по выраженію Бенкендорфа). Излишне говорить, что профессора и учителя были поставлены въ обычное положеніе чиновниковъ, съ тою однако разницей, что они, какъ наиболѣе сомнительные чиновники, подлежали особо бдительному надзору. „Постановка образованія“, пишетъ Каште-

ревъ о дореформенной школѣ *), „была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ... Отъ учителей требовалось лишь преподаваніе, при чемъ учитель не имѣлъ права отступать въ преподаваніи ни на іоту отъ предписаннаго ему учебника, хотя бы и весьма неудовлетворительнаго, и отъ чрезвычайно подробной программы, составленной примѣнительно къ параграфамъ этого учебника. Такимъ образомъ, все преподаваніе было чисто механическимъ“. Приниженный, обезличенный учитель лишался своего законнѣйшаго права быть педагогомъ, обрасталъ грубой корой педантизма, рутинерства и нерѣдко самъ превращался въ жестокаго палача своихъ учениковъ. Розга и даже кулачная расправа считались обыденными педагогическими средствами. Всѣ мы помнимъ учителя Павлуши Чичикова, который „былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ“. Тлетворное вліяніе николаевской системы обезличенія, казарменной нивеллировки калѣчило и учителей, и учениковъ. На школу какъ бы возлагалась обязанность исправлять грѣхъ природы, создавшей человѣка по образу и подобию Божію, и формировать ребенка по казенному образцу. Къ этому былъ направленъ весь арсеналъ школьныхъ и внѣшкольныхъ воздѣйствій на личность. Школа, церковь, цензура, администрація — дружными усилями ковали

*) П. Каптеревъ, „Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели“. С.-Пб. 1898. Стр. 6—7.

цѣпи на свободу личности. Русскій челоѡкъ отъ колыбели до могилы былъ окруженъ разными формами полицейскаго надзора. Грубая солдатская рука равнодушно тушила свѣтъ, и на половину связанные люди уныло бродили въ потемкахъ, затаивъ въ себѣ тоску по лучшей жизни. „Душно кажется на родинѣ, сердцу тяжело, и душа тоскуетъ!“ жаловался Лермонтовъ. Охваченный почти ужасомъ передъ роковыми судьбами русской исторіи, Чаадаевъ доходилъ до крайняго предѣла скептицизма. И даже Гоголь, готовый преклоняться передъ официальнымъ строемъ николаевской Россіи, искусной рукой художника набросалъ тяжелую картину нашей духовной нищеты и жалкой безпріютности: „Пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой, почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель, съ черствымъ отвѣтомъ: нѣтъ лошадей!“

Родную землю превратили въ холодную чужбину, въ неуютную дорожную станцію, въ мрачную казарму съ суровой стражей на часахъ. Всюду холодъ и мракъ. Лучшіе люди терзались въ безысходныхъ нравственныхъ мукахъ, считая себя „лишними“, ненужными, и только наиболѣе бодрое меньшинство про-

должало неустанную работу надъ созданиемъ общественныхъ идеаловъ, надъ рѣшеніемъ вопросовъ русской жизни. Но и это прогрессивное меньшинство (Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій) порою теряло надежду и, подобно Никитенку, склонно было думать, что пройдетъ еще добрыхъ полвѣка прежде, чѣмъ Россія выйдетъ изъ „этой глухой, дикой, каменистой Аравіи“.

Неумолимый ходъ исторіи ускорилъ однако развязку русской драмы. Крымская катастрофа раскрыла всю несостоятельность николаевского „командованія“ страной, всю глубину нашей культурной отсталости, всю силу нашей гражданской незрѣлости.

Пироговъ былъ въ центрѣ тогдашнихъ событій и на войнѣ былъ свидѣтелемъ ужасной оргіи хищенія, когда, по картинному выраженію Щедрина, любезное отечество продавалось и за грошъ, и за большіе куши, и за подписнымъ обѣдомъ съ произнесеніемъ патріотическихъ тостовъ и за торжественными молебнами, на которыхъ густой басъ дьякона призывалъ побѣду и одолѣніе христіанскому русскому воинству. Передъ глазами Пирогова прошли всѣ традиціонныя плутни русскаго чиновничества. Корпія, которую, можетъ быть, съ благоговѣйнымъ чувствомъ щипали въ разныхъ концахъ Россіи, попадала въ руки англичанъ, а русскимъ врачамъ приходилось перевязывать больныхъ только соломой. Для раненыхъ перѣдко не было специальныхъ помѣщеній и ихъ сваливали „зря, какъ попало, въ солдатскія палатки“. Однажды надъ подобнымъ „лагеремъ мучениковъ“

разразился сильный ливень, и страшно было войти въ палатки: „Всѣ вопили о помощи, и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ котораго бьетъ дрожь“ (I, 515—516). Всѣ эти ужасы, плоды преступнаго нерадѣнія начальства, сопровождались обычными проявленіями тупого бюрократизма и узкаго формализма. То вдругъ, по высочайшему повелѣнію, предпишутъ во всѣхъ военныхъ госпиталяхъ примѣнять „атомистическій способъ лѣченія“ лейбъ-медика Мандта, то откажутъ Пирогову въ дровахъ для отопленія барачковъ единственно потому, что онъ написалъ бумагу не по всей формѣ. Пироговъ, больше всего боявшійся разойтись не съ людьми, а съ истиной, любилъ выражаться открыто и прямо, и во время войны онъ не разъ получалъ начальническіе выговоры за несоблюденіе оффиціального тона, за „неприличныя выраженія“, въ родѣ „имѣю честь представить на видъ“ (I, 523). Въ немъ жилъ неугомонный „духъ противорѣчія и оппозиціи“, а отъ него требовали безпрекословнаго исполненія нелѣпыхъ, а подчасъ и вредныхъ распоряженій начальства. Николаевское правительство и всѣ его агенты, начиная съ министровъ и кончая какимъ-нибудь интендантскимъ чиновникомъ, и во время войны остались вѣрны самимъ себѣ.

Но вотъ кампанія окончилась. Замолкли послѣдніе выстрѣлы на высотахъ Севастополя.

Надъ всею Русью тишина.

Но не предшественница сна;

Ей солнце правды въ очи блещеть,

И думу думаетъ она.

Начался спасительный моментъ критическаго самоанализа. Отовсюду раздались трезвые голоса, подводившіе итогъ тяжелому историческому уроку. „Севастополь долженъ былъ пасть“, писалъ И. С. Аксаковъ, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа“. „Тридцать лѣтъ насъ душили“, говорилъ также славянофилъ, А. И. Кошелевъ, „становили подъ безвоздушный колоколъ, старались всячески погасить въ насъ и волю, и умъ“. Самъ Погодинъ, охваченный гражданскимъ энтузіазмомъ, выступаетъ въ роли народнаго трибуна и обличаетъ „систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка“. Трудно было сомнѣваться въ дѣйствительныхъ причинахъ нашей неудачи; даже министру А. С. Норову было ясно, что, „если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою образованія“. Русскіе рабы вели борьбу съ европейскою цивилизаціей, и бой оказался неравнымъ.

Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ отъ Севастопольской войны, Н. И. Пироговъ также погрузился въ скорбную гражданскую думу. Видя, какъ мучится русскій солдатъ, онъ понималъ, что это сама Россія корчится въ страданіяхъ и истекаетъ кровью. Родина гибнетъ, родина въ опасности. Нужно бросить все и спѣшить туда, къ этой больной общей матери, чтобы

залѣчить ея гноящіяся язвы. Гражданинъ побѣждаетъ въ Пироговѣ ученаго и врача. Онъ приходитъ къ глубокому убѣжденію, что „мы истиннаго прогресса можемъ достигнуть однимъ, единственнымъ путемъ воспитанія“, что воспитаніе, „послѣ религіи, самая высокая сторона нашей общественной жизни“. Знаменитый хирургъ проникся чисто евангельской вѣрой въ эту идею и рѣшается на настоящій жизненный подвигъ: онъ круто порываетъ съ своимъ славнымъ прошлымъ, и—дѣлается педагогомъ. „Кромѣ анатоміи, есть еще и жизнь“, сказалъ когда-то Пироговъ, выбирая себѣ спеціальность. „Кромѣ хирургіи, есть еще и жизнь“, могъ бы онъ сказать теперь. Въ іюлѣ 1856 г. на страницахъ „Морского Сборника“ появляются знаменитые „Вопросы жизни“ Пирогова, а 3 сентября того же года онъ уже назначается попечителемъ одесскаго учебнаго округа.

Статья Пирогова была крупнымъ общественнымъ событіемъ; она поражала читателей необычайно искренной, геніально смѣлой постановкой кардинальнаго вопроса: „въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? какое наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать мы?“¹⁾ Анализируя этотъ вопросъ, Пироговъ уже здѣсь изложилъ главныя идеи, составляющія основу его теоретическаго и общественнаго міровоззрѣнія.

¹⁾ Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова (Одесса, 1858). Стр. 6.

Его окончательное міросозерцаніе является синтезомъ двухъ началъ — традиціонной вѣры и научнаго позитивизма.

Семья Пирогова отличалась рѣдкой набожностью, и мальчикъ до 14 лѣтъ „не слыхалъ положительно ничего вольнодумнаго“. „И отецъ, и мать“, читаемъ въ „Дневникѣ стараго врача“ (II, 147), „проводили цѣлые часы за молитвою, читая по требнику, псалтирю, часовнику и т. п. положенные молитвы, псалмы, акаѳисты и каноны; не пропускалась ни одна заутреня, всенощная и обѣдня въ праздничные дни. Я долженъ былъ исполнять то же“. Это религіозное воспитаніе оставило глубокій слѣдъ въ душѣ мальчика, привило ему серьезный интересъ къ вопросамъ вѣры и, несомнѣнно, въ значительной степени опредѣлило складъ его дальнѣйшихъ воззрѣній. „Послѣдователи Галловой краніоскопіи“, замѣчаетъ Пироговъ (II, 147), „вѣрно нашли бы у меня немало развитымъ органъ теософіи“.

Но его теософія пережила нѣсколько характерныхъ фазисовъ. Уже въ университетѣ, куда Пироговъ поступилъ въ 1824 г., ему пришлось столкнуться съ обществомъ студентовъ, исповѣдовавшихъ самыя радикальные взгляды на политическіе и религіозные вопросы. Юный Пироговъ заражается этимъ вольнодумствомъ и на довольно продолжительное время становится матеріалистомъ. „Въ область вѣры“, рассказываетъ онъ самъ (II, 327), „было внесено отрицаніе, границъ котораго уже нельзя было опредѣлить. Молодой умъ съ тѣхъ поръ началъ бродить по всѣмъ

закоулкамъ отрицанія. Полное невѣріе и атеизмъ уже охватывали душу“. Пироговъ „сильно склонялся къ матеріализму и, конечно, самому грубому, вслѣдствіе грубаго незнанія самой матеріи“ (II, 396). Молодой ученый старался увѣрить себя, что единственно достойной религіей для него является стоицизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанно чувствовалъ, что его религіозный радикализмъ не прочтенъ, что, не давая душѣ „твердости и стойкости на самомъ дѣлѣ“ (II, 396), онъ при первомъ же серьезномъ испытаніи обнаружитъ свою несостоятельность. „Къ счастью моему“, говоритъ Пироговъ (II, 327—8), „я не былъ *esprit fort*; я не могъ не обращать взоръ на небо въ тяжкія минуты жизни, а быть подлецомъ въ отношеніи къ самому себѣ,—отвергать что бы то ни было въ счастья и прибѣгать къ его помощи въ бѣдѣ,—казалось мнѣ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ человека“ (ср. 172 стр.). И вотъ въ его душѣ происходитъ новый переломъ, сопровождавшійся страстной жаждой цѣльнаго, гармоническаго міровоззрѣнія. Обыкновенно мы довольствуемся внѣшнимъ знаніемъ жизни, на какое только и способна эмпирическая наука; мы отстраняемъ отъ себя всѣ „проклятые“ вопросы, или какъ неразрѣшимые, или какъ несущественные для нашего бытія; мы систематически приучаемъ себя считать міръ чѣмъ-то простымъ и яснымъ и незамѣтно окружаемъ себя иллюзіями, которыя охотно, *tacito consensu* принимаемъ за полныя истины. А между тѣмъ міръ на каждомъ шагу поражаетъ насъ неразгаданными тайнами. Мы не можемъ не

спросить себя (II, 53—54): „Что это за странное плавание и кружение въ безпредѣльномъ пространствѣ тяготѣющихъ другъ къ другу шаровидныхъ массъ? Что это за непонятное существованіе безчисленныхъ міровъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же вещественныхъ атомовъ и отдѣленныхъ навѣки одинъ отъ другого едва вообразимыми, по своей громадности, пространствами? Что значить эта безконечная разновидность формъ? А сдѣвленіе, тяготѣніе, сродство, постоянная вибрація атомовъ—развѣ всѣ эти обыденныя для насъ явленія—не тайны, скрытыя подъ научными именами? А эти такъ-называемыя простыя тѣла, эти неразлагающіеся элементы, скопленные въ огромныхъ планетныхъ массахъ, развѣ они дѣйствительно—первобытные элементы? Откуда взялись бы они, откуда взялась бы планетная жизнь, если бы другіе, намъ невѣдомые, первобытные элементы не содержались въ общемъ, для насъ недостижимомъ источникѣ—эирномъ хаосѣ? Что онъ такое, этотъ источникъ и вмѣстилище невѣдомыхъ началъ?“ Чувствуя свое безсиліе въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, человѣкъ готовъ упрекнуть чудный даръ жизни „въ нелѣпой случайности“, готовъ утверждать, что „ни секрета, ни цѣли тутъ вовсе нѣтъ, что ларчикъ жизни открывается просто *per vaginam*, закрывается также легко землею“ (II, 53; стр. 59—60). Подобный отвѣтъ, подсказанный отчаяніемъ или легкомысліемъ человѣка, не можетъ насъ удовлетворить: только разгадавъ тайну жизни, человѣкъ овладѣетъ той высшей истиной, которая освѣтитъ смыслъ его нравственнаго

бытія. „Есть вещи на свѣтѣ, къ которымъ и такое надежное средство, какъ опытъ, непримѣнимо, а между тѣмъ эти вещи—это вопросы жизни, безъ разрѣшенія которыхъ для себя, хотя бы приблизительно, умирать не хочется“ (II, 51). Нечего въ этомъ случаѣ бояться мистицизма: человѣкъ окруженъ міровыми тайнами, и естественно испытываетъ склонность къ мистицизму. „Мистическаго и мистицизма никто не искоренить изъ глубины человѣческаго духа. Монотонность и односторонность никогда не будутъ ему свойственны, и я не вѣрю, чтобы человѣческое общество когда-нибудь остановилось на одномъ избранномъ имъ направленіи, и всего менѣе вѣрю, чтобы оно когда-нибудь сдѣлалось позитивистомъ“ (II, 316; ср. въ письмѣ къ бар. Раденъ—I, 498). Каждый искренній ученый, если онъ хочетъ быть послѣдовательнымъ и честнымъ, никакъ не можетъ отдѣлаться „отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ—самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?“ (II, 153). На синтезѣ науки и вѣры должно покоиться цѣльное міровоззрѣніе. Пирсговъ не видитъ непримиримаго антагонизма между двумя этими сферами и считаетъ возможнымъ, не отрекаясь отъ „эмпириі“ и выводовъ науки, искать въ иной области и иными средствами полного отвѣта на „вопросы жизни“. Онъ далекъ отъ того, чтобы отвергать ученіе „геніальнаго наблюдателя“, Дарвина (II, 159), но это не мѣшаетъ ему признавать творческую цѣлесообразность въ мірозданіи и ставить во всей полнотѣ вопросъ о сущно-

сти міровой жизни. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, должна быть предоставлена свобода каждому уму рѣшать по-своему вопросы жизни. По отношенію къ себѣ Пироговъ сознаетъ, что онъ не можетъ ограничиться однимъ эмпирическимъ методомъ, которому „прослужилъ вѣрою и правдою слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ“ (42), что мы можемъ проникнуть въ смыслъ жизни, лишь опираясь на „вдохновеніе“, внутреннее созерцаніе, высшее „отвлеченіе“. „Кто думаетъ логически, посредствомъ силлогизмовъ, начертать начало самосозерцанія и оставить изъ нихъ стройное, ясное цѣлое, — тотъ не понимаетъ сущности отвлеченія, тотъ не только не рылся въ себѣ, но и не заглядывалъ въ свой сокровенный лабиринтъ. Нестройный хороводъ однихъ завѣтныхъ предчувствій, однихъ туманныхъ призраковъ мысли, вызванной вдохновеніемъ изъ бездонной глубины на видимый горизонтъ души, — вотъ сущность отвлеченія“ (I, 18). Взгляды и убѣжденія, которые явятся результатомъ самосозерцанія, „не могутъ быть такъ ясны, какъ математическія аксіомы; но какъ предчувствія, при извѣстномъ состояніи духа, они могутъ для васъ сдѣлаться яснѣе всѣхъ математическихъ аксіомъ, всѣхъ выводовъ опыта и всѣхъ историческихъ истинъ на свѣтѣ“ (I, 21).

На фундаментѣ точной науки Пироговъ и пытается создать законченную систему воззрѣній на порядокъ міровой жизни, развивая своеобразную атомистическую теорію.

Обычное противопоставленіе духа и матеріи носить

чисто условный характеръ, и наука не въ состояніи дать опредѣленія сущности матеріи. Мы знаемъ лишь нѣкоторыя свойства матеріи, но никто съ увѣренностью не можетъ сказать: „это — матерія, это — не матерія, такъ какъ съ каждымъ днемъ мы узнаемъ существованіе новыхъ веществъ, которыя еще вчера для насъ не существовали“ (I, 27). „Кто же, самоувѣренный, убѣдитъ насъ, что кромѣ этого грубаго, вещественнаго міра, постигаемаго нашими чувствами, не можетъ существовать и вокругъ насъ еще другой, скрытый отъ насъ, составленный изъ вещества несравненно болѣе тонкаго, такъ тонкаго, что оно для нашего ограниченнаго ума уже переступаетъ предѣлы матеріи и дѣлается духомъ?“ (I, 27). Это — нѣчто несравненно менѣе матеріальное, чѣмъ всѣ невѣсомыя тѣла, проникающія и заполняющія поры нашей матеріи. „Если нашему разуму трудно предположить въ матеріи сознаніе, то ему такъ же трудно отвергать это свойство въ предполагаемомъ веществѣ, выступившемъ за предѣлы обыкновенныхъ понятій о матеріи. Короче, нѣтъ опредѣленныхъ границъ, гдѣ оканчивается матерія, гдѣ начинается духъ, потому что намъ неизвѣстны еще ни границы, ни свойства матеріи“ (I, 27).

Такимъ образомъ, Пироговъ уже „въ Вопросахъ жизни“ стремится поколебать основную предпосылку матеріалистовъ и думаетъ, что, идя совершенно логическимъ путемъ, мы должны предположить существованіе, кромѣ атомовъ матеріи, еще „атомовъ духа“, „эфирныхъ атомовъ“, или „духовнаго эфира“, ко-

торыйъ заполняетъ собою всю вселенную и проникаетъ „всѣ тончайшіе промежутки“ атомовъ матеріи (I, 28). Исповѣдуя телеологическій принципъ, изумляясь сложности и цѣлесообразности міровой жизни, Пироговъ видитъ рѣшеніе вопроса въ признаніи особаго „жизненнаго мірового начала“, которое даетъ атомамъ способность ощущать, хотѣть, сознавать и обусловливаетъ ихъ опредѣленную группировку; это начало есть „высшая міровая мысль“, „вселенскій разумъ“.

Да гдѣ же міровой мозгъ? Мысль безъ мозга и безъ словъ! Развѣ это не абсурдъ въ устахъ врача? Но пчела, муравей—думаетъ же безъ мозга, и животное царство развѣ не мыслить безъ словъ? Вольно намъ называть мыслию только одну человѣческую, мозговую, словесную и человѣчески-сознательную мысль!“ (II, 69). „Для вещественнаго проявленія міровой мысли и понадобился приборъ, составленный по опредѣленному плану изъ группированныхъ извѣстнымъ образомъ атомовъ,—это мой организмъ; а міровое сознание сдѣлалось моимъ индивидуальнымъ, посредствомъ особеннаго механизма, заключающагося въ нервныхъ центрахъ. Какъ это сдѣлалось,—конечно, ни я, ни кто другой не знаемъ. Но то для меня несомнѣнно, что сознание мое, моя цѣль и присущее моему уму стремленіе къ отысканію цѣлей и причинъ не можетъ быть чѣмъ-то отрывочнымъ, единичнымъ, неимѣющимъ связи съ міровой жизнью и чѣмъ-то законченнымъ и заканчивающимъ міросозданіе, то-есть неимѣющимъ ничего выше себя“ (II, 20). „У насъ нѣтъ никакой причины отвергать возможность существованія орга-

низмовъ, снабженныхъ такими свойствами, которыя олицетворенію міровой мысли придали бы недостижимое для нашего самосознанія совершенство“ (II, 72). Нашъ мозгъ можно сравнить съ „музыкальнымъ органомъ, струны и клавиши котораго приводятся въ постоянное колебаніе извнѣ; а кто-то, ощущая ихъ, присматриваясь, прислушиваясь къ нимъ, самъ приводя и клавиши, и струны въ движеніе, составляетъ изъ этихъ колебаній гармоническое цѣлое. Этотъ кто-то, приводя мой органъ въ униссонъ съ міровою гармоніею, дѣлается моимъ я; тогда законы цѣлесообразности и причинности дѣйствій міровой идеи дѣлаются и законами моего я, и я обрѣтаю ихъ въ самомъ себѣ, перенося ихъ проявленія извнѣ въ себя и изъ себя въ природу“ (II, 18). Нашъ мозгъ какъ бы „искусно сплетенная сѣть для удержанія и проявленія въ личномъ видѣ этого вселенскаго разума“ (II, 73), „призма мірового ума“ (II, 39), а самъ міровой умъ можно уподобить свѣту, который разлить по всей вселенной (ib., 38). Пироговъ однако не хочетъ остаться и при такомъ абстрактномъ представленіи мірового разума. Ограничиться однимъ признаніемъ Верховнаго Разума и Верховной Воли „значило бы быть деистомъ; а деизмъ, по-моему, еще не вѣра, а доктрина“ (II, 173): „Верховный вселенскій Разумъ и Верховная Воля дѣлаются доступнѣе для насъ въ лицѣ Богочеловѣка“ (ib.), т.-е. Христа Спасителя. Въ концѣ концовъ Пироговъ, по его словамъ, „сдѣлался искренно вѣрующимъ, не утративъ нисколько своихъ научныхъ, мыслью и опытомъ пріобрѣтенныхъ, убѣжденій“ (II, 172). Способ-

ность вѣровать не унижаетъ, а возвышаетъ человѣка: она болѣе всѣхъ другихъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ (II, 168). Для Пирогова цѣль человѣческаго существованія—въ томъ, чтобы жить по ученію Христа, жить „для усовершенствованія, для облагороженія матеріи“, „приготовлять себѣ чрезъ земное бытіе путь къ безсмертію“ (I, 29). „Я“, говорилъ онъ (II, 189), „считаю не невозможнымъ признать нѣчто вещественное (въ моемъ смыслѣ) въ нашей загробной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую, по крайней мѣрѣ стараюсь вѣрить и прошу Бога даровать мнѣ эту вѣру,—въ духовную загробную жизнь, и какъ отвлечение для насъ непостижимую“. Эта вѣра — „вѣнецъ ученія Христа... не умирая, мы не достигнемъ конечной цѣли нашей жизни“ (ib.).

Вотъ основныя черты того „свѣтлаго и утѣшительнаго міровоззрѣнія“ (II, 67), съ проповѣдью котораго Пироговъ выступилъ уже въ „Вопросахъ жизни“ и которое полнѣе развито имъ въ „Дневникѣ стараго врача“ (писанномъ въ 1879—1881 гг.).

Несмотря на то, что это міросозерцаніе выработано „не настоящимъ рационально-эмпирическимъ (индукціоннымъ) способомъ“ (II, 48), а въ значительной степени съ помощью „умствующей фантазіи“ (II, 68), что оно „не имѣетъ той фактической подкладки, которая въ наше время требуется отъ всякаго серьезнаго размышленія“ (ib., 72),—Пироговъ считаетъ его не менѣе достовернымъ, чѣмъ любой фактъ. „Мнѣ не суждено быть позитивистомъ“, пишетъ онъ въ „Дневникѣ“ (II, 72): „я не въ силахъ приказать

моей мысли: не ходи туда, гдѣ можно заблудиться. И я поневолѣ основываюсь въ моемъ міровоззрѣніи на томъ, что мнѣ кажется вѣ въ всякаго сомнѣнія, хотя бы это было болѣе отвлеченіе, чѣмъ фактъ. Мнѣ кажутся такого рода отвлеченія такъ же несомнѣнными, какъ мое собственное существованіе“. „Если намъ суждено въ нашихъ міровоззрѣніяхъ подвергаться постоянно иллюзіямъ, то моя иллюзія, по крайней мѣрѣ, утѣшительна. Она мнѣ представляетъ вселенную разумною и дѣятельность дѣйствующихъ въ ней силъ цѣлесообразною и осмысленною, а мое я—не продуктомъ химическихъ и гистологическихъ элементовъ, а олицетвореніемъ общаго, вселенскаго разума, который я представляю себѣ свободно-дѣйствующимъ по тѣмъ же законамъ, которые начертаны имъ и для моего разума, но не стѣсненнымъ нашею человѣчески-сознательною индивидуальностью“ (II, 73—74).

Временно увлекшійся раннимъ нашимъ матеріализмомъ, видѣвшій постепенное его развитіе вплоть до нигилизма шестидесятыхъ годовъ, Пироговъ со-здалъ себѣ міровоззрѣніе, въ которомъ научный эмпиризмъ сочетался съ атомистической теоріей въ духѣ лейбницевскихъ монадъ, съ воззрѣніями, напоминающими то „горную философію“ Жуковскаго, то религіозную философію Вл. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого, съ ученіемъ Христа и даже просто православной церкви (II, 201).

Можно по-разному относиться къ достоинству подобнаго міровоззрѣнія (Пироговъ и самъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ его субъективную цѣнность,

какъ и вообще выработку міросозерцанія считалъ интимнымъ дѣломъ каждой личности), но нельзя не видѣть, что въ процессѣ его выработки сказались лучшія свойства Пирогова—его способность къ самобытному философскому мышленію, его стремленіе добыть законченное разрѣшеніе міровой загадки. Передъ нами—цѣльная личность, сильный духомъ человекъ, который, какъ ибсеновскій Брандъ, не можетъ долго оставаться на распутьѣ, не можетъ довольствоваться половинчатымъ существованіемъ. Пироговъ явился передъ лицомъ русскаго общества въ качествѣ публициста-мыслителя тогда, когда началось духовное пробужденіе страны; какъ Брандъ, съ суровой прямою и непобѣдимой искренностью поставилъ онъ вопросъ: такъ ли мы живемъ, какъ нужно? чего мы желаемъ? Онъ призывалъ русскаго человека къ грозной исповѣди передъ своею совѣстью, къ принципиальному пересмотру основъ жизни.

„Желѣзный панцырь формы“ сдавилъ жизнь; всюду царятъ внѣшность, ложь, двойственность. Ложь, эта многоголовая гидра, проявляетъ себя въ самыхъ неуловимыхъ формахъ, но въ условіяхъ русской дѣйствительности она пріобрѣла такую вопіющую осязательность, что Пироговъ и его современники по безмолвному уговору предприняли дружный псходъ именно противъ лжи нашей жизни. Кошелевъ считалъ ложь самой опасной болѣзнию Россіи: принимая на себя обличеніе лжи помѣщичьей, онъ побуждаетъ Хомякова писать о лжи церковной, Самарина — о лжи правительственной, Кирѣевскаго — о лжи общественной и

частной. На борьбу съ ложью ополчается и Пироговъ. Наше общество претендуетъ на названіе христіанскаго, а между тѣмъ въ немъ открыто разыгрываются „грязныя вакханаліи паганизма“. Исповѣдуя вѣру въ будущую загробную жизнь, наше общество „во всѣхъ обнаруживаніяхъ практической и даже отчасти умственной жизни“ проявляетъ „одно чисто матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастіи и наслажденіи въ жизни здѣшней“ (I, 5). Глубокій дуализмъ проникаетъ жизнь общественную и жизнь каждой отдѣльной личности. Нужно уничтожить эту позорную двойственность, слить воедино мысль, слово и дѣло; нужно быть, а не казаться. Какъ для Бранда, какъ для Л. Толстого, — для Пирогова идеаломъ является непосредственный монизмъ дѣтской души. „Будьте, какъ дѣти!“ — эти евангельскія слова всегда въ памяти у Пирогова. „Дѣтьми и бѣдными умомъ нужно быть, по словамъ Искупителя, чтобы сдѣлаться причастниками откровенія и вѣчнаго блаженства... Не значить ли это довести себя, силою отвлеченія и вдохновеній, до полного самопознанія, слить свою двойственность, изгнать двойника изъ глубокихъ извилинъ души? Вотъ идеаль, вполнѣ недостижимый, но къ которому мы должны безпрестанно стремиться“ (I, 16—17). Путемъ самопознанія и нравственнаго совершенствованія человѣкъ очиститъ въ себѣ образъ Божій отъ всякой скверны, отъ толстыхъ слоевъ грѣховнаго ила, примиритъ себя съ Богомъ и самимъ собою и вернетъ себѣ утраченную теперь духовную мощь. „Уничтожьте

сомнѣніе въ себѣ, и мощная воля осѣнить васъ... Безъ вдохновенія нѣтъ воли. Безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы—ничтожество и смерть“ (I, 33—34).

Тотъ же вопросъ жизни призвана рѣшать и женщина. Человѣкъ есть, по словамъ Пирогова (I, 508), „коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины“, и, слѣдовательно, полное развитіе этой коллективности предполагаетъ развитіе каждой изъ составныхъ частей. Подчеркивая высокое назначеніе женщины, какъ матери и воспитательницы, авторъ „Вопросовъ жизни“ однако съ большой опаской относится къ „эманципациі общественныхъ правъ женщины“. Онъ боится, что на этомъ пути ее ожидаетъ „паденіе“. Впослѣдствіи Пироговъ, очевидно, сталъ смѣлѣе смотрѣть на женскій вопросъ. Онъ не соглашается съ доводами „противниковъ благоразумной эманципациі женщинъ“ и утверждаетъ, что, сохраняя въ себѣ „фізіологическую и нравственную женственность“, женщина „можетъ такъ же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина“ (I, 524), и что женщины „даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины“ (506). Слѣдовательно, женскій вопросъ, какъ особый, въ значительной степени перестаетъ существовать; остается только великая коллективность—человѣкъ.

Созданіе свободной, цѣльной, самоопредѣляющейся личности — вотъ величайшая задача времени. Николаевская Россія официально знала только

вѣрноподданныхъ и рабовъ, — Пироговъ говоритъ о свободномъ человѣкѣ, о человѣкѣ, строителѣ жизни. Какъ нѣкогда Пнинъ, Пироговъ могъ бы сказать:

Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ

Раба отъ человѣка я:

Одинъ, какъ солнце въ небѣ ясномъ,

Другой такъ мраченъ, какъ земля.

Одинъ есть все, другой ничтожность.

. ,

Прими мое благоговѣнне,

Зиждитель-человѣкъ! Прими!..

По условіямъ русской гражданственности идея свободной личности не разъ пріобрѣтала центральное значеніе среди принципиальныхъ требованій нашего общества. Ее, можно сказать, выстрадали лучшіе люди николаевской эпохи, шестидесятники обогатили ее новымъ содержаніемъ, въ семидесятые годы она отливается въ теорію борьбы за индивидуальность (у Михайловскаго), далѣе она проявляетъ себя въ разныхъ индивидуалистическихъ теченіяхъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ; она же, наконецъ, составляетъ существенный ингредиентъ и социалистическихъ ученій новѣйшаго времени. Пироговъ, слѣдовательно, выдвинулъ одну изъ насущнѣйшихъ потребностей эпохи, когда заговорилъ о необходимости воспитанія цѣльной личности, воспитанія человѣка прежде всего. Съ этимъ лозунгомъ онъ и выступаетъ на поприще педагога. „Значать ли эти слова, дѣйствительно“, спрашиваетъ самъ Пироговъ (I, 51), „что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу въ человѣкѣ

земного совершенства, мечтательнаго гражданина вселенной, или тому подобнаго?“ Нѣтъ, „человѣкомъ“ можетъ быть каждый, кто пріучится съ раннихъ лѣтъ „хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ извѣстной мѣрѣ“. Иначе говоря, воспитать человѣка значитъ дать гармоническое развитіе всѣмъ сторонамъ его личности. Только вполне развитая личность въ состояніи широко взглянуть на жизнь и стать выше узкихъ матеріальныхъ интересовъ. „Словами: „и ищи быть и будь человѣкомъ“ — выражается одна главная мысль воспитанія: научите дѣтей, съ раннихъ лѣтъ, подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной“ (I, 52). Личность и ея идеалы въ глазахъ Пирогова — могучіе факторы жизни. Его идеологія вообще носитъ вполне идеалистическій характеръ, и, напр., христіанской этикѣ онъ приписываетъ великое цивилизующее вліяніе. „Свобода совѣсти, свобода разслѣдованія истины, уничтоженіе рабства и невольничества, возвышеніе личности, снисхожденіе и милосердіе къ побѣжденному врагу, дѣла общественной благотворительности“, говоритъ онъ (II, 184), „все это дѣлалось и дѣлается, въ теченіе 18-ти слишкомъ вѣковъ, подъ эгидою христіанства“.

Итакъ, главная цѣль школы — воспитать въ чело-вѣкѣ свободную и сознательную личность.

Какими же средствами располагаемъ мы для достиженія этой цѣли?

На первыхъ порахъ Пироговъ склоненъ былъ ду-

мать, что „все будущее жизни находится въ рукахъ школы, и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія“ (I, 285). Но и тогда уже онъ прекрасно сознавалъ, что силъ одной школы недостаточно, что огромное значеніе въ этомъ случаѣ принадлежитъ всему строю жизни. Если Англія, писалъ онъ еще въ 1859 г. (I, 104; ср. 201), справедливо гордится своими свободными гражданами, то этимъ она обязана „не однимъ ея университетамъ, а ея конституціи и ея неподражаемому самоуправленію“. Горькій опытъ не разъ убѣждалъ Пирогова впоследствии, что „не педагогъ управляетъ жизнью, а жизнь имъ“ (II, 124), и онъ рѣшительно предостерегалъ противъ увлеченія искусственными педагогическими системами, которыя слишкомъ изолируютъ ребенка отъ жизни и берутъ на себя непосильную работу коренного перевоспитанія человѣческаго общества. „Увѣренность—воспитаніемъ нашимъ дать ребенку все то, что мы желаемъ дать — я считаю однимъ самообольщеніемъ“ (II, 125). „Рѣшителями судебъ въ нашемъ воспитаніи являются, какъ я убѣдился изъ опыта, индивидуальность и жизнь“ (II, 151).

Русская жизнь не только дореформеннаго періода, но и въ „эпоху великихъ реформъ“ представляла очень мало благопріятныхъ условій для свободнаго развитія личности. Размышляя по поводу событія 1 марта 1881 г., Пироговъ, уже 70-лѣтній старикъ, бросилъ критическій взглядъ на царствованіе Александра II и далъ интересную оцѣнку его преобразованіямъ.

По своимъ общественно - политическимъ убѣжденіямъ Пироговъ далеко не былъ радикаломъ. Онъ „всегда почиталъ верховную власть“, „всегда считалъ для Россіи жизненно-необходимою сильную верховную власть; всегда имѣлъ отвращеніе отъ заговора и всякаго тайнаго общества“ (II, 291). Къ революціоннымъ движеніямъ 60—70-хъ годовъ онъ относился безусловно отрицательно, горячо возмущался террористическими дѣйствіями „крамольниковъ“ и самый социализмъ („моданію пролетаріазма“) считалъ чистѣйшей утопией, угрожающей свободѣ личности (263, 268). Вмѣстѣ со многими другими, русскій революціонный социализмъ онъ приписывалъ вліянію заграничныхъ организацій („интернаціоналки“), евреевъ и т. п., но рядомъ съ этимъ настойчиво указывалъ и на причины, обязанныя своимъ происхожденіемъ ходу самой русской жизни. Это, во - первыхъ, крупные недостатки въ реформахъ Александра II. Начать съ того, что всѣ эти реформы „опоздали“. „Эманципація должна бы была совершиться задолго до 1848 года, когда въ Европѣ все было тихо, и социализмъ не поднималъ еще головы, а финансы наши были въ хорошемъ состояніи“ (II, 66). Далѣе, ни одна реформа не была доведена до конца „въ такомъ духѣ и направленіи, которые сообщены были этимъ реформамъ при ихъ появленіи на свѣтъ. Всѣ онѣ, казалось, обѣщали нѣчто другое, отличное отъ того, чѣмъ онѣ сдѣлались впоследствіи“ (II, 292). И это произошло главнымъ образомъ потому, что „взглядъ и образъ мыслей верховнаго реформатора измѣнились впослед-

ствіи“ (293). При такихъ условіяхъ естественно было развитися недовольству общества и народа, что создало благоприятную почву для революціонной и соціалистической пропаганды. Отсюда, по мнѣнію Пирогова, вытекаетъ необходимость расширенія свободы и поднятіе сознательности въ разныхъ слояхъ народа. У насъ нѣтъ настоящаго культурнаго сословія. „Наше facsimile культурнаго сословія—трень-брень: кое-какое чиновничество, кое-какое купечество, кое-какое духовенство, все частичное; есть особи такого сословія, но самаго сословія нѣма!“ (254). Образование такого твердаго культурнаго ядра, которое могло бы служить опорой мирнаго прогресса, „требуется прежде всего льготъ самоуправленія и значительныхъ обезпеченій самостоятельности“ (255), слѣдовательно, соответствующаго ограниченія прерогативъ административной власти. „Недовольство исчезнетъ, какъ скоро чрезмѣрная административная власть будетъ правильно регулирована судебною властью“ (261). „Правительству нечего бояться „откровенной, добросовѣстной оппозиціи“ „честныхъ людей съ независимымъ и свободнымъ образомъ мыслей“ (291). Народъ и послѣ освобожденія остался темной, неорганизованной массой, объектомъ административнаго произвола, и необходимо, чтобы правительство „направило всѣ наличныя силы и средства земскихъ, общественныхъ учрежденій для прочной организаціи и культуры низшихъ основныхъ слоевъ общества“ (260). Съ поднятіемъ культуры и самосознанія народа и общества исчезнутъ стадныя свойства, которыя проявляются

въ стихійныхъ движеніяхъ массъ, и явится возможность обезпечить стройность и закономерность жизни. Этой стадности, стихійности Пироговъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противопоставляетъ свою излюбленную идею сознательной личности, „индивидуализмъ“. „Задача наша въ настоящее время“, писалъ Пироговъ 7 марта 1881 г. (II, 269), „должна состоять въ томъ, чтобы способствовать всѣми силами развитію индивидуализма, еще угнетеннаго стадными свойствами“. „Развитіе *индивидуальной личности* и всѣхъ присущихъ ей свойствъ—вотъ, по моему мнѣнію, талисманъ нашъ противъ недуговъ вѣка, клонящагося къ закату“ (270).

Приведенныя разсужденія Пирогова относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни и вызваны главнымъ образомъ желаніемъ создать оплотъ противъ социализма, по отношенію къ которому онъ, къ сожалѣнію, раздѣлялъ всѣ ходячія опасенія и недоразумѣнія, по приведенныя мысли чрезвычайно важны и для пониманія общаго характера его педагогической дѣятельности. Очевидно, вѣра въ значеніе сознательной личности никогда не покидала Пирогова; она по преимуществу и вдохновляла его, когда ему представлялась возможность повліять на судьбу русской школы.

Какими же средствами, въ свою очередь, располагаетъ школа? Какова, по мысли Пирогова, должна быть школа?

Наука—вотъ то могущественное средство, которое прежде всего находится въ рукахъ дѣятелей просвѣщенія. Наука и именно наука чистая, гуманитарная,

чуждая практическихъ цѣлей, содержитъ въ себѣ глубоко цивилизующее, воспитательное начало. Этой своей мысли въ „Вопросахъ жизни“ Пироговъ придалъ даже нѣсколько рискованную форму: „Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ,— искусство, вдохновеніе, наука“, писалъ онъ тогда, „не должно слишкомъ сродняться съ вседневною жизнью: оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ“. Въ пресловутомъ спорѣ о классицизмѣ и реализмѣ Пироговъ, подобно Грановскому*), склонялся на сторону перваго, приписывая „высшую образовательную силу исключительно глубокому изученію древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторіи и математики“ (I, 317), но не былъ фанатикомъ классицизма, тѣмъ болѣе, разумѣется, грамматическаго. „Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естественнѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына“, говорилъ онъ въ 1860 г. въ статьѣ „Школа и жизнь“ (I, 294—295), „все равно—лишь бы сдѣлало его человѣкомъ. Преимущество и выгоды различныхъ способовъ этого образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности, въ настоящее время, сказать, который лучше“.

Жизнь требуетъ прикладныхъ, реальныхъ знаній. Для этой цѣли должны существовать реальные школы и спеціальныя учебныя заведенія, открывающія пря-

*) См. его статью: „Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны“ (1855 г.).

мой выходъ въ практическую жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени необходимо культивировать чистую науку. Эту обязанность Пироговъ возлагаетъ на гимназіи и университеты. Сохраняя строго научное значеніе, университеты даютъ „общечеловѣческое“ образованіе, построенное на тѣсномъ единеніи „гуманнаго начала съ реальнымъ“ (I, 111). Наше еще молодое общество прежде всего нуждается въ гуманизмѣ, и образованіе въ духѣ этого гуманизма должно предшествовать всякому спеціальному. „Даже желая отъ всей души сдѣлаться истыми спеціалистами“, говоритъ Пироговъ (I, 113—114), „мы не должны забывать, что и для этого необходимо общечеловѣческое образованіе. Возьмите и сравните двухъ спеціалистовъ: одного—прошедшаго чрезъ школу гуманитарныхъ наукъ, другого — прямо попавшаго на реализмъ; я берусь вамъ ихъ тотчасъ же отличить, и не только по дѣйствіямъ, но даже по мыслямъ“ (I, 113—114). Школѣ надлежитъ думать болѣе всего о воспитаніи людей и гражданъ, а потомъ уже объ образованіи негоціантовъ, юристовъ, врачей, моряковъ. Всѣ до извѣстнаго періода жизни должны бы „пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія“, и родителямъ пора уже оставить варварскій обычай съ дѣтства опредѣлять спеціальность сыновей и самовольно заключать ихъ „преждевременный бракъ съ будущимъ поприщемъ“.

Наука, какъ важнѣйшій агентъ культуры, заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Необходимо „обнародить“ науку, и за это дѣло прежде всего

должны взяться университеты. Наши университеты, жалуется Пироговъ (I, 164—5), въ качествѣ государственныхъ учрежденій слишкомъ сосредоточились на „подготовкѣ для государства людей съ дипломами, званіями и правами на чины“; между тѣмъ ихъ прямое назначеніе—„быть маяками, разливать свѣтъ на большія пространства и потому стоять высоко и свѣтить“. Путемъ публичныхъ лекцій въ столицахъ и въ провинціи профессора могли бы содѣйствовать сформированію общественнаго мнѣнія, выработкѣ здоровыхъ взглядовъ на предстоящія реформы (писано въ 1862 г.) *).

Огромное значеніе и вполнѣ основательно придавалъ Пироговъ устройству воскресныхъ школъ. Первая воскресная школа была открыта у насъ именно Пироговымъ въ Кіевѣ, при подольскомъ училищѣ, въ 1859 г. Уже въ 1863 г. столичныя воскресныя школы вызвали противъ себя гоненіе администраціи, которая подозрѣвала учителей въ политической пропагандѣ. Рядъ школъ былъ закрытъ. Не одобряя попытокъ утилизировать воскресныя школы для политическихъ цѣлей, Пироговъ не видѣлъ однако никакого разумнаго основанія для ихъ закрытія. Всякія доктрины, рассуждалъ онъ, берутъ свое начало внѣ школы, рождаются въ самомъ обществѣ, а въ школу

*) Въ бытность попечителемъ одесскаго округа Пироговъ исходатайствовалъ, чтобы „Одесскій Вѣстникъ“ былъ переданъ въ вѣдѣніе Ришельевского лицея, и, благодаря этому, профессора получили свой органъ для публицистической дѣятельности въ краѣ.

только переносятся. Было бы нелѣпо полицейскую заботу о порядкѣ дѣлать исходной точкой мѣропріятій въ области просвѣщенія. Не слѣдуетъ забывать, что невѣжество массъ представляетъ еще болѣе опасное условіе, благопріятствующее распространенію самой крайней пропаганды. „А имѣя это въ виду, нельзя не сознаться, что воскресныя школы въ Россіи имѣютъ другое—и несравненно болѣе важное—значеніе, чѣмъ на Западѣ. На Западѣ, и именно въ Германіи, онѣ составляютъ предметъ роскоши, у насъ необходимости“ (I, 224). Для борьбы съ пропагандой достаточно надлежащимъ образомъ организовать общественный и административный контроль надъ школой и „регулированіе новыхъ отношеній молодежи и общества къ темной массѣ“ (258), а не лишать послѣдняго естественнаго права на просвѣщеніе. Къ ужасу своему, Пироговъ видѣлъ, что даже образованные люди (и среди нихъ В. И. Даль) не вполне убѣждены въ пользѣ грамоты для народа, и онъ даетъ горячую отповѣдь скептикамъ, которые съ цифрами въ рукахъ пытались доказывать тлетворное вліяніе грамотности на нравственность крестьянъ. Такая статистическая аргументація для Пирогова нисколько не была убѣдительна. „Если бы въ доказательство вреда приводили, что не только половина, а всѣ грамотные простолюдины сдѣлались пьяницами и ворами именно оттого, что учились грамотѣ, то можетъ ли глубоко вѣрующій въ Воплощеніе Слова сказать что-нибудь другое въ отвѣтъ, какъ одно: „не вѣрю!“ (I, 63). Просвѣщеніе ни для кого, ни при какихъ обстоятель-

ствахъ не можетъ быть вредно. „Только одно слишкомъ неравномѣрно распределенное образованіе въ различныхъ слояхъ общества дѣйствительно вредитъ ему“ (I, 288). Дѣлать образованіе привилегіей высшихъ кастъ, а тѣмъ болѣе создавать особыя привилегированныя заведенія ненормально. Распространяя общечеловѣческое образованіе между всѣми классами, мы тѣмъ самымъ устраняемъ „ненормальное состояніе общества“, уничтожаемъ бездну, раздѣляющую касты“ (ib.). „Идеально нормальное состояніе просвѣщенія въ обществѣ было бы то, если бы всѣ, безъ различія, однимъ путемъ вступали въ жизнь: путемъ широкимъ — университетскимъ. Это значило бы, что всѣ, безъ различія сословія и состояній, были бы обязаны пройти общій гимназическій курсъ, поступить въ университетъ, избрать одинъ изъ его факультетовъ и потомъ уже выйти въ жизнь, слѣдуя одному избранному пути“ (I, 110).

Итакъ, наукѣ предстоитъ великая зиждательная роль въ русской жизни. Для успѣшнаго выполненія этой миссіи ей нужна безусловная свобода и независимость. „Въ области современной науки никакія церковныя и государственныя запрещенія не должны да и не могутъ нарушить свободу совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія“ (II, 154). Даже богословіе, если оно желаетъ обезпечить себѣ серьезное вліяніе на умы, должно допустить анализъ и свободу изысканія, *Freiheit der Forschung*, какъ у нѣмцевъ, и давать „отчетливое и глубокое изложеніе всѣхъ его элементовъ, въ научной связи“ (I, 204). „Въ наукѣ“,

заявлялъ Пироговъ (II, 175), „я всегда былъ и буду за полную свободу изслѣдованія, самаго чистаго и свободнаго отъ всякой задней мысли“. Наука не служанка, не орудіе для постороннихъ цѣлей: она имѣетъ самодовлѣющую цѣнность. Не отказываясь отъ служенія жизни, наука сохраняетъ за собою *le droit divin* (I, 193), и въ интересахъ всей страны должна занять поистинѣ царственное положеніе въ жизни.

Чтобы наука въ качествѣ предмета преподаванія могла сохранить присущую ей воспитательную и образовательную силу, необходимо далѣе предоставить школѣ на всѣхъ ея ступеняхъ широкую автономію, право на самоопредѣленіе и свободу преподаванія.

Система централизаціи и министерской опеки мѣшаетъ свободному развитію школы, которая обязательно должна „примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстнымъ потребностямъ общества и учащихся“ (I, 200). Пусть отъ введенія автономіи пострадаетъ единство казеннаго типа, но зато водворится „истинный, неформальный, внутренній порядокъ“ (136). При этомъ автономія должна быть полная: „въ дѣлѣ духовномъ и нравственномъ, какъ просвѣщеніе, дѣятелямъ его нельзя довѣрять вполнину“ (156).

То, что справедливо по отношенію къ университету, примѣнимо и ко всякой другой школѣ. Только по недоразумѣнію можно возлагать преувеличенныя надежды на министерскую регламентацію и вѣрить въ магическую силу циркуляровъ и бумажныхъ реформъ.

Измѣняя уставы, правила, программы и т. п., мы

касаемся лишь внѣшней стороны дѣла. „Между тѣмъ первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитро сплетенные уставы — мертвая буква“ (I, 102). А чтобы личность педагога могла проявить себя въ должной мѣрѣ, нужны свобода и спокойная увѣренность въ своемъ правѣ руководиться лишь собственными убѣжденіями. „Однимъ наставникамъ исключительно должно поручать, вмѣстѣ съ надзоромъ за учащимися, и рѣшеніе вопроса о способѣ изложенія науки и о свѣдѣніяхъ и способностяхъ учениковъ. Лучше оказать болѣе довѣрія и тѣмъ, которые его вовсе не заслуживаютъ, нежели мало довѣрять вполне заслуживающимъ“ (340). Нравственное вліяніе учителя на учениковъ „не должно быть стѣсняемо никакимъ постороннимъ вмѣшательствомъ“ (ib.) Поэтому школа должна управляться коллегіей педагоговъ. „Коллегіальное начало, несмотря на его нѣкоторые недостатки, есть все-таки самое лучшее въ дѣлѣ общественнаго образованія“; его нужно „сохранить въ чистотѣ, не допуская примѣси другого, противоположнаго начала, — бюрократическаго“ (ib.) ¹⁾.

Децентрализованная и автономная школа, далѣе, можетъ правильно функционировать только при условіи гласности и постояннаго единенія съ обществомъ.

1) Пироговъ не разъ развивалъ мысль объ усиленіи значенія педагогическихъ совѣтовъ. См., напр., въ I т. „О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій“.

Когда на очередь был поставленъ университетскій вопросъ, Пироговъ энергично возставалъ противъ бюрократическихъ способовъ его рѣшенія. По его справедливому мнѣнiю, судьба университетовъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ степени участія общественныхъ силъ въ дѣлѣ ихъ организаціи. „Нужно все употребить“, убѣждалъ онъ (I, 165), „чтобы сблизить общество съ университетомъ и развить общественное мнѣнiе, необходимое для его жизни“. „Автономія безъ гласности немыслима; безъ гласности она не устоитъ противъ своего начала, выродится и вынесетъ на свѣтъ одни недостатки“. Приглашая правительство открыть обществу доступъ къ влiянiю на школу, Пироговъ не разъ обращался и къ самому обществу съ горячимъ призывомъ смотрѣть на просвѣщеніе, какъ на самый насущный вопросъ жизни. Очевидно, передъ взоромъ попечителя-педагога уже носился отчетливый обликъ автономной общественной школы.

Не оставилъ Пироговъ безъ яркаго освѣщенія и внутренніе распорядки учебныхъ заведеній, методы обученія и воспитанія.

Школа для Пирогова—это лабораторія, гдѣ воспитывается человѣкъ, это священное мѣсто, гдѣ идетъ творческая работа при дружномъ, любовномъ участіи наставниковъ и ихъ питомцевъ. Все обученіе ведется такъ, чтобы возбуждать и поддерживать сознательную самодѣятельность учащихъся, развивать въ нихъ способность къ „здравому критическому сужденію“ (I, 253).

Наглядность обученія, упражненіе вниманія, литературныя бесѣды и т. п.—вотъ рациональныя приемы, рекомендуемыя Пироговымъ (II, 112—114) ¹⁾.

Въ своемъ обращеніи съ учащимися школа должна руководиться принципомъ уваженія личности воспитываемыхъ дѣтей. Право старшихъ по отношенію къ дѣтямъ въ сущности ограничивается „обязанностью развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлилъ ихъ Творецъ. Другого права нѣтъ и быть не можетъ, безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ и во взросломъ“ (I, 282). Воспитатель не долженъ унижать и оскорблять достоинство ученика. Всѣ школьныя наказанія, находясь въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ проступка, должны отличаться гуманностью и справедливостью. Розга—„слишкомъ грубый и насильственный инструментъ для возбужденія стыда“ (79), и не можетъ служить орудіемъ исправленія. Гораздо важнѣе воспитывать въ дѣтяхъ чувство законности, сознание долга, чувство собственнаго достоинства, искренность, стремленіе быть, а не казаться. Умѣлый педагогъ даже въ средней школѣ можетъ опереться на корпоративныя инстинкты учащихся и организовать школьное „общественное мнѣніе“. Въ качествѣ попечителя

¹⁾ См. статью А. Е. Грузинскаго „Литературныя бесѣды въ пироговское время“ („В. Восп.“ 1900 г.—Интересныя разсужденія Пирогова о вредѣ ранняго обученія иностраннымъ языкамъ (II, 140—144). Его мысли въ данномъ случаѣ совпадаютъ со взглядомъ покойнаго проф. Потемни („Языкъ и народность“ въ „В. Евр.“ 1895 г., сент.).

киевского округа Пироговъ предлагалъ „на первый разъ, въ видѣ опыта, ввести въ пяти высшихъ классахъ совѣстный судъ товарищей, правильно организованный, подъ руководствомъ воспитателей“ (I, 494).

Послѣ этого излишне говорить, что Пироговъ былъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ идеи корпоративной организаціи студенчества. Въ его время не разъ происходили студенческіе „беспорядки“; университеты вообще переживали тогда переходное время передъ изданіемъ устава 1863 г.

Пироговъ сумѣлъ понять истинный смыслъ студенческихъ волненій и указать наиболѣе рациональныя мѣры для успокоенія молодежи. „Извозчикъ и учащая молодежь“, полушутливо говорилъ Пироговъ (II, 235—236), „это два самые вѣрные барометра культурнаго общества: по нимъ узнаемъ очень скоро и настроеніе, и степень культуры общества“: извозчики и пути сообщенія даютъ понятіе о степени и скорости обмѣна въ матеріальномъ быту, а учащая молодежь отражаетъ намъ „прямо и вѣрно умственную жизнь общества, его стремленія, силу и скорость обмѣна господствующихъ въ немъ идей“. Теченія происходятъ въ обществѣ и тотчасъ же вызываютъ „рефлективные движенія въ университетѣ“ (I, 280). Съ этой стороны и нужно оцѣнивать студенческія волненія.

Администраторы стараго закала, какъ извѣстно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ прибѣгали къ репрессіямъ и принципу изоляціи. Не-даромъ первый же параграфъ университетскаго устава 80-хъ годовъ

гласилъ, что каждый студентъ есть отдѣльный по-сѣтитель университета. Пироговъ сдѣлалъ совершенно другіе выводы изъ своихъ наблюдений надъ студенческой жизнью. „Да, корпоративное устройство студенчества“, писалъ онъ въ „Дневникѣ“ (II, 360—361), „важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія... Пока въ нашихъ университетахъ не придумаютъ учредить, тѣмъ или другимъ способомъ, студенческаго представительства, правильно организованнаго, — пусть университетское начальство не рассчитываетъ на свое вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь“. Организация студенчества облегчитъ самой профессорской коллегіи дѣло управленія университетомъ и поможетъ ей узнать общественное мнѣніе студентовъ, безъ чего, какъ справедливо полагаетъ Пироговъ, немислимы и автономный университетъ. „Университетъ обязанъ прислушиваться къ ихъ голосу, въ которомъ, несмотря на всѣ увлеченія, онъ всегда услышитъ довольно правды“ (I, 167).

Многое изъ того, что высказывалъ Пироговъ, разумѣется, стало для насъ истиной, не требующей доказательствъ, но многое и теперь еще остается въ области благихъ пожеланій. Для школы же пироговскаго времени почти все это было откровеніемъ, тѣмъ болѣе дорогимъ, что оно немедленно и искренно проводилось въ жизнь самимъ Николаемъ Ивановичемъ.

Какъ попечитель, Пироговъ не былъ начальникомъ, а миссіонеромъ (употребляя его собственное выраженіе) исповѣдуемыхъ имъ идей (I, 438). Чуждый какого-либо генеральства и бюрократизма, онъ былъ

свободенъ отъ обычныхъ грѣховъ нашей администраціи и стоялъ выше сословныхъ предубѣжденій, національныхъ и религіозныхъ предрасудковъ. Къ какому-нибудь еврейскому училищу (Галмудъ-торѣ) онъ относился съ такимъ же вниманіемъ и любовью, какъ къ Ришельевскому лицу. Словомъ и дѣломъ подавалъ онъ примѣръ уваженія ко всѣмъ и каждому и свято чтить коллегіальное начало. Однажды Пироговъ принесъ ему даже серьезную жертву. Будучи принципиальнымъ противникомъ розги, онъ, по требованію большинства членовъ комитета, созваннаго имъ для выработки школьныхъ правилъ, согласился однако оставить розгу въ числѣ наказаній (за что и подвергся жестокимъ упрекамъ со стороны Добролюбова). Пироговъ считалъ „безполезнымъ уничтожать на одной бумагѣ, подъ видомъ гуманности и современности, средство, которое и многіе воспитатели, и бѣльшая часть родителей признаютъ еще необходимымъ“ (I, 350). На бумагѣ розга была отмѣнена еще въ XVIII ст., а если она тѣмъ не менѣе продолжала свистѣть надъ дѣтскими спинами, то потому, что воспитатели не нашли еще въ себѣ „довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ“ (351)¹⁾. Свои надежды въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Пироговъ возлагаетъ на общественное мнѣніе и на ростъ педагогическихъ идеаловъ въ средѣ

¹⁾ Черезъ нѣсколько строкъ Пироговъ, къ сожалѣнію, обмолвился фразою: „Отвергать, что и розгою можно дѣйствовать безъ вреда и даже удачно, значило бы отвергать фактъ“ (351).

самихъ наставниковъ. Не желая дѣйствовать однимъ внѣшнимъ давленіемъ, онъ старался направлять школу, а не командовать ею, помогать творчеству педагоговъ, а не связывать ихъ предписаніями по излюбленной формулѣ нашего министерства „отнюдь не“. Если съ нимъ не соглашались, или если онъ самъ сомнѣвался въ чемъ-нибудь, то онъ дѣлалъ спорный вопросъ предметомъ гласнаго обсужденія въ печати, какъ это было, напр., съ вопросомъ о розгѣ, о дѣтскихъ спектакляхъ. Попечитель не только не считалъ себя непогрѣшимымъ далай-ламой, но и постоянно въ статьяхъ и циркулярахъ просилъ совѣтовъ и указаній у родителей и педагоговъ (I, 495). Циркуляры Пирогова написаны авторитетнымъ, но не начальническимъ тономъ; подъ его перомъ казенная бумага незамѣтно превращалась въ страницы методики и педагогики. Словомъ, „попечитель-оригиналъ“ не приказывалъ, а доказывалъ; онъ цѣнилъ сознательное и искреннее сочувствіе его идеямъ, а не внѣшнее подчиненіе ему, какъ начальнику. Естественно, что онъ сдѣлался нравственнымъ центромъ „подвѣдомственнаго ему“ округа. Между попечителемъ, съ одной стороны, педагогами и учащимися, съ другою, установились самыя простыя, довѣрчивыя отношенія. Рѣдкое у насъ зрѣлище! Лучшая часть педагоговъ охотно подчинялась авторитету Пирогова. Молодежь видѣла въ немъ благорасположеннаго, любящаго руководителя. Гимназисты не стѣснялись являться къ нему въ качествѣ паціентовъ и даже съ „секретными“ болѣзнями.

Вошелъ Пироговъ въ русскую школу, и въ ней сразу стало свѣтло и радостно. Онъ какъ бы распахнулъ двери въ затхлые подвалы дореформенной школы, и сюда ворвался теплый лучъ солнца, струя свѣжаго воздуха, шумъ жизни. Старому, заматерѣлому въ рутинѣ педагогу не оставалось ничего другого, какъ забрать свои обломанные розги и истрепанные учебники, и съ мрачнымъ видомъ покинуть классъ обновляемой школы. Вліяніе Пирогова вышло далеко за предѣлы одесскаго и кіевскаго округовъ: его дѣятельность пріобрѣла общерусское значеніе. Въ эпоху нашего историческаго перелома, когда шло раскрѣпощеніе народа и общества, Пироговъ явился педагогомъ-освободителемъ: онъ внесъ въ школу такія освободительныя начала, которыхъ не знала дореформенная эпоха, и въ которыхъ нуждалась новая Россія. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ начала быстро развиваться наша педагогическая мысль, и уже вскорѣ выступаютъ у насъ столь крупныя дѣятели школы, какъ Ушинскій и Стоюнинъ. Съ высоты современнаго намъ знанія и настроенія нетрудно критиковать теоретическое міровоззрѣніе Пирогова; его общественно-политическія идеи и даже нѣкоторые педагогическіе взгляды могутъ показаться намъ умѣренными и даже „буржуазными“. Но, рассматриваемый въ исторической перспективѣ, Пироговъ рисуется намъ одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ своей эпохи, человекомъ, воплотившимъ въ себѣ духъ реформаторства и свободы. Даже въ 60-ые годы начальство видѣло въ немъ безпокойнаго человека и опаснаго новатора. Изъ Одессы

его переводятъ въ Кіевъ потому, что студенты Ришельевскаго лицея задумали отпраздновать извѣстіе о готовящемся освобожденіи крестьянъ (въ чемъ самъ попечитель не усматривалъ особенной бѣды,—II, 292—294); въ 1861 г. его отстраняютъ и отъ должности кіевскаго попечителя; въ 1862 г. ему поручаютъ только наблюденіе за молодыми людьми, обучающимися за границей, а черезъ нѣкоторое время и совсѣмъ отказываются отъ его услугъ.

Пирогову, такимъ образомъ, не удалось завершить начатаго дѣла. Администраторы типа гр. Д. А. Толстого снова овладѣли русской школой. Какъ нѣкогда крыловскій царь, правительство опять впало въ тяжкое сомнѣніе: „не болѣе-ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?“ Простыя, но мудрыя слова Пирогова о человѣкѣ, о наукѣ были забыты. Попли циркуляры о кухаркиныхъ дѣтяхъ; принялись за усиленное насажденіе грамматическаго классицизма; мелочная регламентація снова начала свою разрушительную работу, убивая творчество педагоговъ и превращая учебное заведеніе въ казарму для дѣтей школьнаго возраста. Министерство просвѣщенія вступило въ открытый союзъ съ министерствомъ полиціи, и школы сдѣлались ареной грубаго и близорукаго политиканства. Мы дожили до того, что учителямъ возбраняется имѣть гражданскія убѣжденія, а гимназистовъ ретивые директора командируютъ на съѣзды истинно-русскихъ людей. Усердіемъ длиннаго ряда министровъ и попечителей школа превратилась въ жалкую храмину: полуразрушенная и униженная, сиротливо стоитъ она на распутьѣ.

Господа! Въ этотъ торжественный часъ изъ мрака минувшихъ десятилѣтій съ ослѣпительной яркостью выступаетъ передъ нами образъ педагога-гражданина съ „забытыми словами“ на устахъ и строго требуетъ отвѣта отъ своихъ жалкихъ преемниковъ. Они не могутъ, они не смѣютъ отвергнуть его судъ: вѣдь Пироговъ—самый искреннѣй и глубокѣй христіанинъ; вѣдь онъ—не революціонеръ. Тѣмъ грознѣе его судъ!

Что могутъ сказать въ свое оправданіе всѣ эти оффиціальныя враги русской школы, дерзновенно топтавшіе ногами самыя святыя завѣты Пирогова, всѣ эти лицемѣры и фариसेи, евангельскими текстами прикрывавшіе свои гнусныя дѣла? Они сознательно преграждали доступъ къ просвѣщенію тѣмъ, кто жадно искалъ свѣта. Они систематически совершали столь же тяжкое преступленіе, какъ если бы они выкалывали глаза юношамъ, начавшимъ пытливо всматриваться въ міръ Божій. Что могутъ сказать они въ свое оправданіе? Пусть же безпощаднымъ укоромъ звучитъ для нихъ имя Пирогова. И пусть это же славное имя вдохновляетъ всѣхъ тѣхъ, кто стремится вырвать дѣло просвѣщенія изъ рукъ недостойныхъ наемниковъ и создать свободную общественную школу.

П. Сакулинъ.